

Зоя ПЕТРОВА

**ЗООМОРФНЫЕ МЕТАФОРЫ И СРАВНЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ*****Zoomorphic Metaphors and Similes
in the Modern Russian Prose****Abstract**

The article represents the main circle of zoonymous images common in the modern Russian prose, they are classified into thematic groups of the “Animals” class, the most frequent vehicles of metaphors and similes are identified, the circle of tenors is outlined, distributed according to the relative frequency of use in literary texts. By means of comparison with the traditional images of the class in question, presented in the dictionary of metaphors and similes of the previous period of the Russian literature, and with the figurative uses of zoonyms in the Russian linguistic world image based on materials of linguocultural dictionaries, the main directions of evolution of zoomorphic tropes in modern Russian prose are determined. Some aspects of textual functioning of zoomorphic tropes are studied: individual preferences in choosing their groups, their conceptualizing role in the text. The results of the study make it possible to get an idea of one fairly significant fragment of the figurative world image of the modern Russian prose.

Keywords: *metaphor, simile, comparative trope, zoomorphic trope, «tenor», «vehicle», figurative world image, evolution*

Важное место в образной картине мира современной художественной литературы занимают зооморфные тропы. Образную картину мира мы определяем как систему устойчивых образных соответствий, которые выражаются в конструкциях компаративных тропов, основные из них – метафоры и сравнения. Помимо зооморфных тропов, образы сравнения которых относятся к семантическому классу «Животные», в образную картину мира русской литературы входят такие крупные классы тропов, как антропоморфные, образы сравнения которых относятся к классу «Человек», фитоморфные – образы сравнения класса «Растения», а также тропы с образами сравнения классов «Камни, металлы», «Вода», «Огонь», «Свет», «Ткани, одежда» и некоторые другие.

Зооморфные метафоры и сравнения отличаются большим разнообразием опорных слов, обладающих широким набором признаков для уподобления различных денотатов животным, при характеристике человека – высокой степенью эмоциональной оценочности и часто – стилистической маркированностью.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-512-23004 «Метафорическая картина мира современной русской и венгерской прозы конца XX – начала XXI в. (сопоставительный анализ)».

Мы попытаемся дать обзор зооморфных тропов в современной русской литературе, выделить классы их образов сравнения и предметов сравнения, исследовать основания сравнения, рассмотреть функции тропов в художественном тексте. Поскольку в нашем распоряжении есть «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв.» [КОЖЕВНИКОВА – ПЕТРОВА 2000; 2010], а также лингвокультурологические словари [БРИЛЕВА И ДР. 2004] и [ГУДКОВ 2020], важное место в которых занимает описание образных употреблений зоонимов, то мы постараемся уделить особое внимание вопросу о том, что нового вносит литература XXI века в систему традиционных, устоявшихся в литературе и языковом сообществе зооморфных образов. В качестве материала исследования были взяты произведения Юрия Буйды («Стален»), Евгения Водолазкина («Авиатор», «Брисбен», «Лавр», «Соловьев и Ларионов»), Андрея Волоса («Имитатор»), Шамиля Идиатуллина («Город Брежнев»), Александра Иличевского («Матисс», «Перс»), Дины Рубиной («Бабий ветер»), Саши Соколова («Между собакой и волком»), Ольги Славниковой («Стрекоза, увеличенная до размеров собаки»), Марины Степновой «Женщины Лазаря»), Татьяны Толстой (сборник «Круг»), Людмилы Улицкой («Даниэль Штайн, переводчик», «Зеленый шатер», «Казус Кукоцкого», «Лестница Якова», «Медя и ее дети»), Гузели Яхиной («Зулейха открывает глаза»).

Образы сравнения зооморфных тропов включают родовое слово *животное* и названия всех зоологических видов. Наибольшее их количество принадлежит к классу «Млекопитающие» (или «Звери»). Тут надо упомянуть родовое название *зверь* с его дериватами (*звериный, зверек, зверюга, зверушка, звереныш, зверье*). Лидируют в этом классе по частоте встречаемости в современных художественных прозаических текстах обозначение *кошка* и его производные (*кошечка, кошачий, по-кошачьи*), семантически близки к которому не столь употребительные *кот* и *котенок*, а также слова ЛСГ «собаки» – само обозначение *собака* со словообразовательными дериватами, *пес*, видовые обозначения *дворняга, шавка*, названия пород собак, обозначение детеныша собаки – *щенок* и его областной синоним *кутенок*, названия по признаку пола – *кобель* и *сука*. Не так часто встречаются названия других хищников – *волк* (и его дериваты *волчий, волчица, волчонок*), *лиса* (и *лис, лисий, лисичка, лисенок*), *шакал* (и *шакалий, шакаленок*), еще меньше частота встречаемости оказалась у названий *леопард, гепард, пантера, тигр, медведь* и *медведица, гиена, ласка, норка*. Среди названий копытных с большим отрывом лидирует *лошадь* и его дериваты (*лошадиный, по-лошадиному, лошадка*), и реже встречающиеся *конь, коняга, кляча, кобыла, кобылица, жеребенок*, видовые обозначения *саврас, мустанг, лошадь Пржевальского*, к ним примыкает название животного из семейства лошадиных – *кулан*. Следующее по употребительности название – *корова* (и *коровий*), реже встречаются *телка, телок, теленок, бык*. Следующее по частоте встречаемости название – *свинья*, к нему примыкают семантически близкие *кабан* (и *кабаний, кабанчик*), *боров* и *поросенок*. Дальше идут *баран* и *овца, козел, коза* и *козленок, верблюд, слон, жираф, лось, олень, лань, ишак, носорог*, у некоторых отмечены дериваты. Не очень часто в целом

встречаются названия грызунов и зайцеобразных (классификация животных взята из «Семантического словаря» [ШВЕДОВА 1998]), в порядке убывания частоты – *мышь, крыса, заяц, кролик, белка, дикобраз, тушканчик* (встретилось и родовое слово *грызун*), названия приматов: *обезьяна, бабуин, лемур*. Совсем редки названия насекомоядных, рукокрылых, сумчатых и ластоногих: *еж (ежик, ежонок), крот, летучая мышь, кенгуру, морж, тюлень, сивуч*.

Участвуют в компаративных тропах или даже создают их и названия частей тела зверей: *морда, лапа, хвост, вымя, пасть, копыто, бивни* и др.: «пошел к лупоглазой *морде* грузовика» (Ш. Идиатуллин), «В форточку вползло обессиленное декабрьское солнце, жидковатое, пыльное, едва живое. Тронуло вялой *лапой* волосы Галины Петровны, покатило по тумбочке высыпавшиеся из пакета огурцы» (М. Степнова), «У Гени на правом *копыте* ноготь врастает. <...> Она кряхтит от удовольствия, медленно ворочает по ребристому дну ванночки своими синюшными *копытами*» (Д. Рубина), «С угла молочно белело целое ледяное *вымя*, уже начинавшее капать» (О. Славникова).

В классе «Насекомые», куда мы включаем также и пауков (согласно не научной картине мира, а наивной), наиболее употребительны в компаративных тропах родовое слово *насекомое* и обозначения *бабочка* и *мотылек* (с видовыми обозначениями, например *бабочка-ночница, ночной мотылек*), *муха* и его производные *мушиный, по-мушиному, паук, жук* (с видовыми обозначениями: *жук-вредитель, жук-водомер, майский хрущ, скарабей*, дериватами: *жучиный, жучок*), *червь (червяк, червячок)*. Несколько меньше частота встречаемости у таких названий насекомых, как *комар, кузнечик, пчела* и *саранча*, еще реже встречаются *стрекоза, таракан, шмель, оса, гусеница, блоха, мошка, богомол, божья коровка, клоп, козявка, медведка, многоножка, мокрица, слизняк, трутень*. В метафорах и сравнениях используются названия стадий развития насекомых: *гнида, личинка, опарыш, куколка*.

Надо отметить наличие научных терминов среди названий насекомых в тропах, названий частей их тела, процессов, происходящих с насекомыми. Почему-то именно насекомые вдохновляют авторов углубляться в тонкости энтомологии. Так, Ю. Буйда характеризует мужчину латинским названием вида паука: «В шестнадцать Ириска вышла замуж. Он был энигматической личностью с мощными античными ногами. Биолог, диссидент. Но через два года они развелись. – Видишь ли, он вроде *пауков Cyrtophora citricola*, которым не все равно, какая самка их съест после совокупления, – они предпочитают скармливать себя молодым и девственным паучихам. А я к тому времени была уже паучихой потрепанной...». М. Степнова, сравнивая математическую формулу с насекомым, употребляет термины *педипальпы* и *хелицеры*, за разъяснением которых надо обращаться к энциклопедическим словарям: «А потом Линдт наконец завис на несколько минут над какой-то неслыханной формулой, больше похожей на сложное насекомое, ошестинившееся десятком хищных *педипальп* и *хелицер*».

Л. Улицкая, в сложной энтомологической метафоре описывая процесс превращения личинки в бабочку, уподобляя этому процессу процесс взросления

человека (см. об этом ниже), употребляет термины *метаморфоз*, *неотения*, *имаго*, *хитиновая скорлупка*.

Хитиновые стяжки и *скорлупки* упоминает и М. Степнова при образной характеристике взросления героини: «весной Галочке предстояло получить аттестат зрелости и, скинув *хитиновые стяжки* и *скорлупки*, преобразиться из куколки в великолепную абитуриентку».

Среди названий птиц наиболее активно используется родовое слово *птица* (и дериваты: *птичий*, *по-птичь*), иногда с определением: *диковинная птица*, *редкая птица*, *хищная птица*, повторяются названия *курица* (и его дериваты *курочка*, *куриный*), стилистически сниженный синоним *клуша*, устойчивое словосочетание *мокрая курица*, а также семантически близкие *петух* и *цыпленок*, далее: *утка*, *голубь*, *щегол*. Реже встречаются *воробей* (*воробышек*), *ворона*, *гусь*, *журавль*, *канарейка*, *колибри*, *лунь*, *орел* (*орлиный*), *пава*, *перепел*, *райская птица*, *синица*, *совенок*, *сокол*, *цапля*, *чайка*, *чибис*, обозначения сказочных птиц: *жар-птица*: «Лампа, заботливо прикрытая шалью, сияла неярко, будто дотлевающая *жар-птица*, и свет от нее – мягкий, медный, с шелковыми кистями – играл с Марусиным живым лицом, приглушая седину, нежно сглаживая морщины» (М. Степнова), «Словно дряхлая *жар-птица* в ветхом атласном пере, предпочитавшая уже не летать, а тащиться, кланяясь, на полусогнутых ногах, старуха наконец залезла на площадку, постояла, опираясь в стену под звонком Катерины Ивановны, дыша под ним со свистом и странными перерывами» (О. Славникова), *Финист Ясный Сокол*: «После работы она заходила за ним в его кабинет – никакой романтики: уборщица вытряхивает урны, шваркает мокрой шваброй по линолеуму, а Аркадий Борисыч долго моет руки, трет щеточкой, подозрительно осматривает свои розовые ногти и с отвращением смотрит на себя в зеркало. Стоит, розовый, сытый, тугой, яйцевидный, Нину не замечает, а она уже в пальто на пороге. Потом высунет Треугольный язык и вертит его так и сяк – боится заразы. Тоже мне *Финист Ясный Сокол!*» (Т. Толстая).

Зафиксировано в сравнительной конструкции и обозначение древнего «родственника» птиц – *археоптерикс*: «Вид пассажиров казался уныл, словно запах раскрытых, заклинивших, как назло, зонтов, которые с точки зрения исподлобья так живо напоминают *подмышки археоптериксов*» (С. Соколов). Используются названия частей тела птиц – *перья*, *клюв*, *переносье сокола*, *куриная лапка*, *птичь* *потрошки*: «Но вдруг вал, дошедший антиклиналью от Большого хребта, вздымается *клювом* третичных складок, и я снижаюсь к *переносью сокола*, вглядываюсь в бельмо ослепительных солончаков, чтобы видеть северное основание Апшерона (А. Иличевский).

В семантическом классе «Рыбы» родовое слово *рыба* (с дериватами *рыбий*, *рыбка*) во много раз превышает по частоте употребления видовые обозначения *вобла*, *гуппи*, *камбала*, *карась*, *кефаль*, *лινь*, *налим*, *осетр*, *пиранья*, *плотва*, *сом*, *судак*, *щука*. В тропах встречаются также *икра*, *малек*, названия частей тела рыб: *акуля морда*, *рыбий потроха*, *рыбий кости*: «Чтобы припарковаться, мне пришлось сунуть *акулю морду* своего “Форда-просперо” далеко на тротуар» (А. Волос), «пыль, кислая на вкус и бурая на свет, будучи изредка

поливаема из медленных усатых машин, давала урчащую пену, которая долго лежала на солнце, будто *рыбы потроха*, и разлезалась большими дырками под ногами прохожих» (О. Славникова), «в квартире оказалось множество врачей, которым она забыла позвонить. Один, с усами как тонкие *рыбы кости*, что-то быстро писал на бумажках, левой рукой потряхивая полупустую пачку сигарет» (О. Славникова).

Из названий других обитателей моря в тропах встречаются *краб, моллюск, медуза, морская звезда, осьминог*.

Среди обозначений земноводных и пресмыкающихся в нашем материале встретились родовые названия *земноводное* и *рептилия*, обозначения *змея* (и дериваты *змеиный, по-змеиному, змейка*) и названия разных видов змей: *кобра, питон, удав*, а также *лягушка* (и *лягушечий, лягушачий, по-лягушьи*), *ящерица* (*ящерка*), черепаха (*черепаший, черепашка*), *хамелеон, крокодил* (*крокодильчик*).

Встречаются и названия ископаемых животных: *динозавр, тираннозавр, мастодонт*.

Если говорить о предметах сравнения компаративных зооморфных тропов, то, по нашим данным, около 90% из них составляют тропы, характеризующие человека:

его внешность, физические характеристики: «Вместе с риелтором Оксаной – смуглой косоглазой *кобылой* с мускулистыми ножищами – я около месяца искал подходящую квартиру на рынке вторичного жилья» (Ю. Буйда), «Девочка – лет 16-ти. Она только из моря. <...> Купальщица устраивается по-турецки, ко мне спиной. Линия позвоночника, лопатки, колени – *кузнецик*» (Е. Водолазкин), «Даниэль крикнул: – Рафаил! И вылез такой дряхлый *кузнецик* с большой костлявой головой, в арабской галабии, в выгоревшей до бесцветности среднеазиатской тюбетейке» (Л. Улицкая), «Садовник приходит трижды в неделю. Он вежливо выслушивает Геральдину, но курение в саду его не раздражает. Это спокойный, похожий на *моржа*, усатый человек (Е. Водолазкин), «Все-таки изредка, когда Тануси не бывало дома, Рябков вызывал к себе длинную, как *крокодильчик*, резвую натурщицу» (О. Славникова);

движения, физические действия, положение в пространстве: «и все мужчины наперебой кинулись приглашать Монетку, и она никому не отказывала, прижималась всем телом к партнеру, хохотала, стреляла глазками, виляла задницей, скакала *козой* и была на седьмом небе от счастья» (Ю. Буйда), «Виталик кивнул и стал ногой старательно, будто рисуя на песке, раскладывая неподвижного плешивого по полу. Зачем, Марина не поняла, а Виталик, убедившись, что плешивый застыл в позе расслабленной *морской звезды*, с разведенными конечностями, хэкнув, пнул гада в пах» (Ш. Идиатуллин), «Он [дядя Миша] удалялся потихоньку, едва волоча ноги, подшаркивая, согбенный, как *тираннозавр*, пустая холщовая сумка болталась у его коленей» (А. Иличевский), «нагибается подсмотреть за Хлебниковым: в щелочку за шкафом. Видит, как тот, перекошенный, выломив плечи, словно *птица* с неполно сложенными крыльями, и схватившись за край кровати, сидит: опухшие ноги в тазу» (А. Иличевский),

характер, особенности поведения: «Она была естественна, как *собака*, грызущая кость. Безо всяких ужимок разделась перед полужнакомым мужчиной догола, потому что так удобнее заниматься уборкой. <...> Ей были чужды условности, ограничения, табу, усвоенные людьми ради облегчения жизни» (Ю. Буйда), «А вот рассуждения о шахидах, об их завидной судьбе, Салаха настораживали. На коротком своем веку он успел сделаться хитрым и скрытым *волчонком*, и здесь он чуял опасность» (А. Волос).

Компаративным тропам с некоторыми опорными словами класса «Животные», характеризующим человека, в ряде контекстов можно приписать общий смысл (семантический инвариант) ‘отрицание человеческой сущности’, ‘удаленность от человека на эволюционной шкале’. Такое значение могут иметь образные обозначения *животное*, *скотина*, *обезьяна* (и названия видов обезьян), *земноводное*, *рептилия* и некоторые другие. Например: «[в Соловецком лагере] Мы чувствовали себя *животными*, которых кормят на убой и которые – в отличие от обычных животных – об этом знают. Было в нашей жизни и в самом деле что-то животное – какое-то отупение было, не позволявшее приходить в отчаяние» (Е. Водолазкин), «Вероятно, столкновение с реальностью сломало бы ее и превратило в безобидное *животное* с мутью в тепловатом взгляде, с единственной радостью покушать и с восстановленной по самым простым рефлексам на окружающее способностью орать» (О. Славникова), «Из всех звонивших я решил пойти навстречу только одной барышне – голос у нее дрожал. Вот что делают с мужчинами дрожащие голоса. Ответить, правда, согласился по телефону и всего на один вопрос. Задавала она его мучительно долго. – Какое главное открытие вы сделали в лагере? Вопрос, в сущности, банальный, как всё, что содержит слова “главный”, “самый” и т. п. Странно, что нужно было так долго блять, чтобы это спросить. Но чем банальнее вопрос, тем ведь сложнее на него ответить. – Я открыл, что человек превращается в *скотину* невероятно быстро» (Е. Водолазкин), «Я подошел к двери Зарецкого и дернул за ручку. Она оказалась запертой изнутри на крючок. Я дернул ее двумя руками, и крючок слетел. Зарецкий сидел, сложив руки на столе. Стол был чист, на нем не было даже колбасы. – Я убью тебя, гнида, – сказал я негромко. – Убьете пролетария – пойдете под суд, – так же негромко ответил Зарецкий. В его словах не было вызова, скорее – скорбь. Сидел неподвижно, и только на скуле дергался желвак. *Земноводное*. Скорбная *рептилия*» (Е. Водолазкин), «Дверь директорского кабинета была приоткрыта. Самого директора видно не было, был слышен только его голос. Он кого-то отчитывал: – Из всех чувств у вас существует лишь хватательный рефлекс. <...> Нельзя жить одними рефлексами, – сказал он примирительно. – Нельзя быть такой, простите, *рептилией*» (Е. Водолазкин).

Среди зооморфных метафор, характеризующих человека, выделяется группа бранных слов со стертым образным значением, у них преобладает эмоционально-оценочное значение: *свинья*, *сука* (*сучка*), *гнида*, *баран*, *козел*, *кобель* и др.: «*Свинья* такая, посмел в мой дом прийти!» (Л. Улицкая), «Валечка тоже все понимала и заливалась пуще; еще и пуговка у нее, у *сучки* такой, невзначай

растегнулась (А. Волос), «. – За мной! Не рассыпаться! Держаться в кучу! В кучу, мать вашу растудыть! – группа мобилизованных в штатском, с красными повязками на рукавах и винтовками наготове, ведет дюжину испуганно озирающихся узкоглазых крестьян, одетых по-летнему, в пестрые чыба и тюбетейки; начальник отряда рвет глотку, выкрикивая команды, и после тихо шипит сквозь зубы: – *Бар-р-р-раны* узбекские, на мою голову...» (Г. Яхина), «Слышь, шелестели в коридорах одурелые от скуки и обжорства пузатые бабы, он на срок один год старше, говорят, со школы ее взял, старый *кобель*» (М. Степнова).

Зооморфная компаративная конструкция может характеризовать не конкретного человека, а целую общность людей: «Обилие открытий затуманило головы еще моим бывшим современникам, сделавшим атеизм модой. Уже тогда они напоминали *божью коровку* на шоссе. Она проползла десяток метров и очарована своим движением. Ей кажется, что она всё изучила и поняла. Но она никогда не узнает, где начинается шоссе и куда ведет (Е. Водолазкин).

Остальной небольшой процент предметов сравнения зооморфных тропов составляют следующие группы денотатов:

«Части тела человека»:

рука: «После того как я разделся и залез под одеяло, Фрина выключила свет, сунула руку в мою и затихла. Ее рука поворочалась в моей и замерла, словно *зверек*, удобно устроившийся в норке на ночлег» (Ю. Буйда), «Я наклонялся и целовал ее глаза, и чувствовал губами ресницы. Анастасия доставала руку из-под одеяла и медленно, как бы спросонья, двигала ее по направлению ко мне. Худую, с синими прожилками, как особую постельную *змею*» (Е. Водолазкин), «Порой Катерине Ивановне хотелось потрогать мать, но та не давалась, тоже поднимала руку, выплывавшую из рукава, точно снулая *рыбина*, заслонялась ею от неуверенной дочкиной руки (О. Славникова), «. – Му Мом! – Юрик подтолкнул Нору к парню. Тот протянул ей руку. Неожиданная для толстяка рука – подвижная и юркая, как отдельное *животное*» (Л. Улицкая),

пальцы: «Мать простонала, подняла под одеялом большое колено, и на ее руке, лежавшей ладонью вверх, пальцы зашевелились, будто *ножки* раздавленного *насекомого* (О. Славникова),

грудь: «и Орина плыла надо мной, ляжки ее разводя по-лягушьи, совсем. Будто в зеркале плыла она наверху, будто блазилась, и волосы длинные тянулись, как тина вдоль боков и спины, грудь же – чтоб не соврать – ходили парой крупных *линей меж рыб*» (С. Соколов),

волосы: «Антарктически белая блузка, кипенное обрамление ворота и волосы, закрученные на затылке тугой лоснящейся *коброй*, придавали Кларе вполне деловой, административно-хозяйственный вид» (А. Волос), В десять-одиннадцать лет у Катерины Ивановны были ровные детские ноги, две слабые косицы, подвязанные калачиками и напоминавшие *уши таксы*, ровная пухлая грудка с двумя свистульками, как у резиновых игрушек, но по-женски мягкий, выпирающий живот» (О. Славникова), «Александра Эрнестовна закапывает в глаз желтые капли. Розовым воздушным шариком просвечивает голова через тонкую паутину. Этот ли *мышиный хвостик* шестьдесят лет назад черным

павлиньим хвостом окутывал плечи? В этих ли глазах утонул – раз и навсегда – настойчивый, но небогатый Иван Николаевич?» (Т. Толстая),

рот: «однажды одноклассник Рябкова, спортсмен с округлой мускулатурой, стройный, как букет, аккуратно постучав и встретив ласковый взгляд хозяина, расшлепал ему рот в соленую медузу за свою чугунную статуэтку, которую затем унес, вдумчиво взвешивая на могучей, хорошенько после удара вытертой руке» (О. Славникова);

«Внутренний мир человека: ощущения, интеллект, эмоции, душа», например, *боль – дикий зверь*: «Тело походило на лабиринт, и боль бродила там как дикий зверь, голодная боль. Иногда она вырывалась с отчаянным воплем, со вздыбленной шерстью; она все время снилась Софье Андреевне в виде горбатого копытного чудовища, в виде помеси быка и негра, с кровавыми глазами и жесткими кудрями на башке» (О. Славникова), *воспоминания – рыбки*: «Ах, серебряные рыбки воспоминаний!.. долго ли вам еще плавать в наших душах!..» (А. Волос), *мысль – рыба*: «Игнатов разлепляет веки. Тело в последнее время стало легкое, как без костей, а носить его отчего-то трудно. И даже думать стало – трудно. Голова – пустая и будто плоская, бумажная; и мысли тоже – невесомые какие-то, летучие, как тени или запахи, – не ухватишь, не додумаешь до конца. И оттого эта, утренняя, мысль – неповоротливая, ленивой рыбой шевелящаяся в черепе – кажется такой важной и нужной: надо вставать и идти на охоту» (Г. Яхина), *чувство – щенок*: «Это было прелестное чувство – нелепое и трогательное, как двухнедельный щенок с толстыми лапами и розовым голым пузиком» (М. Степнова), *душа – муха*: «Катерина Ивановна смутно представляла, что у одних людей душа всегда летает рядом и садится, как муха, туда и сюда, а у других, похожих на нее, живет далеко (О. Славникова);

«Общественный строй, социально-политические реалии»: *государство – свинья, пожирающая собственных поросят*: «Проклятая, бешеная власть жрала подданных, как голодная свинья жрет собственный опорос. Ну а как только ослабела, шатнулась – тут и настало время воткнуть ей в горло острое железо, напиться горькой крови, порубить на части! Утвердиться на собственных землях! – а тех, кто прежде командовал, сделать рабами!» (А. Волос), «лучшие сыны еврейского народа сами были участниками и вдохновителями русского бунта – и, надо сказать, бессмысленными участниками и беспощадными вдохновителями. Кстати, именно они стали и самыми первыми жертвами выпущенных на волю демонов, когда – спустя несколько ярких прерывистых лет – гигантская имперская свинья с хрюком поднялась из вековой лужи и принялась равнодушно пожирать собственных поросят, не разбирая особо, какие из них кошерные, а какие – не очень» (О. Славникова), *Россия – волчица*: «Ты куда теперь, Алфеева я спросил. Рассуждает: Россия-матерь огромна, игрива и лает, будто волчица во мгле, а мы ровно блохи скачем по ней, а она по очереди выкусывает нас на ходу, и куда лучше прыгнуть, не разберешь, ау, никогда. <...> Облокотились взаимно мы на прощанье, облобызались – прощай-ка, не свидимся, преогромна волчица – раскинулась (С. Соколов), *город – слон*: «Город, как

огромный *слон*, подставлял любознательным зрителям то один бок, то другой, то хвост, то хобот... [впечатление Норы от Нью-Йорка]» (Л. Улицкая);

«Предметы, сделанные человеком»:

самолет – птица, муха, шмель, колибри, стрекоза, туша: «Полет. Аэроплан плывет в воздухе, как большая *птица*. <...> Я ведь не зря боялся... Не зря. Всё случилось тогда, когда сложные фигуры были уже показаны. Из дальнего поднебесья аэроплан Фролова летел на посадку. Круговое и плавное его снижение внезапно прервалось. Сравнение с *подстреленной птицей*, обошедшее потом все газеты, кажется мне и сейчас единственно возможным. Несмотря на свой откровенный романтизм, оно соответствовало тому, что я видел: правое крыло *по-птичьи* заломилось, и машина, вращаясь вокруг своей оси, устремилась вниз» (Е. Водолазкин), «Аэроплан кувырчался в воздухе. Он был похож на *муху*, на рассерженного *шмеля*, может быть, даже на *птицу колибри*» (Е. Водолазкин), «Все бежали врассыпную, но она поворачивалась лицом – к *стрекозе*, которая шла ей в переносицу, расстилая облако над светло-серыми грядами, нарастая блеском винта, неподвижностью шасси, очкастой головой пилота... (А. Иличевский), «[самолет] бесшумно нарастая *тушей*, шевелясь, подкручивая подкрылки, пропадал громадой за бетонным забором» (А. Иличевский),

здание – пчелиные соты, колония моллюсков, птица, рыба, червь: «С новыми браками в семье к основному зданию пристраивались новые части. Появлялись пристройки в связи с расширением кухни, комнат для слуг и подсобных помещений. Сооружения становились больше, но – не красивее. Они напоминали *пчелиные соты* или *колонию моллюсков* (Е.Водолазкин), «синела над речным простором крылатая громада высотки, похожая на вздетую в небо *птицу*» (А. Иличевский), «...Мне всегда нравилась задушевная простота здешних домиков – серых, белых, голубоватых, *рыбьим косяком* стоящих над заливом» (Д.Рубина), «Она заглянула напоследок в магазин, что подточил, как прозрачный *червь*, ногу дворца» (Т. Толстая);

экскаватор – богомол, дробилка – медведка: «Дорога приводит к карьере, вгрыземуся в берег Оки. Здесь добывается низкокачественный известняковый щебень. На дне его таятся два насекомых. *Богомол*: ковш экскаватора вмещает легковой автомобиль. *Медведка*: дробилка, похожая на бронепоезд, с зубатым забралом на рельсовом ходу» (А. Иличевский), *подушка – животное*: «Софья Андреевна вылезла уже на перематую подушку, совершенно мертвую, будто задавленное *животное* (О. Славникова), *тетрадь – бабочка*: «Тут Петр полез во внутренний карман кителя, достал обрезанную до четвертинки школьную тетрадь, подул в нее, как в *бабочку*, чтобы раскрыла крылья, зачитал <...>» (А. Иличевский);

«Растения»: *листья – птицы, стаи птиц*: «Большие перепончатые листья тополей, уже летавшие над улицей, вились над бегущим, словно *птицы* преследовали обезумевшую жертву» (О. Славникова), «Улетавшие в озеро листья казались похожими на *стаи* мелких *птиц*, стремившихся почему-то на север (Е. Водолазкин), *лес – лис*: «Бор – красный, лес – *лис* с подпалинами, Итиль – медом потек перламутровым – ложкой ешь (С. Соколов), *каштаны – ежики*:

«Эти каштаны висели на ветках зелеными *ежиками*, иногда желтели. Будучи сбитыми метким броском палки, *ежики* лопались на лету, распадались на половинки, освобождая полированные красавцы-каштаны (Е. Водолазкин), *сердцевина тюльпана – собачья пасть*: «В последний год, перед отъездом, в воинство королевских тюльпанов затесался черный принц. Как *собачья пасть*, черно-багровая сердцевина открылась из-под газет в пучине алого» (А. Иличевский), *водоросли – змеи*: «Сиверская, 1917-й, я стою, прислонившись к перилам мостика. Скращенные на груди руки, взгляд, по просьбе отца, вдаль. Подо мною быстрое течение Оредежи, в струях воды извиваются водоросли. Если долго на них смотреть, кажется, что это речные *змеи* (есть такие?) плывут вверх по течению» (Е. Водолазкин) и некоторые другие группы денотатов.

Встречаются «перекрестные» уподобления одних видов животных другим, например *собаки – лемуры*: «У стойки прожекторов в карьере стоят высокие «козлы». Рядом сидят четыре здоровых пса, братья. Они смотрят вверх наливными *лемурьими зенками* (А. Иличевский), *джейраны – рыбы*: «Джейраны похожи на рыб: вспархивают стайкой и поглощаются особой оптикой травянистой равнины» (А. Иличевский), *кошка – тиявка*: «а внизу, облизнув повисшую душу горячей жутью, протекла, точно черная *тиявка*, странно безногая кошка» (О. Славникова), *жеребенок – саранча*: «Игнатов хватает жеребенка сзади за круп и тянет, пытаясь оторвать от вымени. Тот дрыгает ногами, как *саранча*, и проскаккивает у лошади под брюхом – на другую сторону» (Г. Яхина), *мухи – слоны*: «Над протяженной тушей, облепленной хвоей, веточками, отрядами муравьев, тут же появляются изумрудные, огромные, как *слоны*, мухи» (А. Иличевский).

Сравнение со словарями [БРИЛЕВА И ДР. 2004], [Гудков 2020], [КОЖЕВНИКОВА – ПЕТРОВА 2000; 2010] показывает, что большая часть перечисленных выше образов сравнения зооморфных тропов в современной литературе вполне традиционны и входят в ядро образов-зоонимов в русской языковой картине мира. Это такие образы, как *лошадь, кобыла, кляча, свинья, кошка, собака, волк, лиса, медведь, мышь, кролик, змея, бабочка, мотылек, стрекоза* и др. Иногда традиционность образа специально подчеркивается автором: «Черная женщина лет сорока – стильная, прекрасно одетая, гибкая, как *лань, прости за банальность*; тело молодое, сильное – двадцатилетнее» (Д. Рубина).

Обновление образных параллелей, пополнение состава образных парадигм происходит в основном за счет появления в рядах тропов новых видовых обозначений (об этом процессе писала Н. А. Кожевникова в работе «Эволюция тропов» [КОЖЕВНИКОВА 1995]). Так, помимо традиционных в языке художественной литературы родового обозначения *рыба* и видовых слов *угорь, щука, треска, карп, селедка, акула, карась, вьюн, пескарь, осетр, белуга, судак, окунь*, в тропах появляются и другие названия видов рыб: *глубоководная рыба, камбала, гуппи*, ранее в тропах не зафиксированные: «И щек у нее [Лизаветы] было меньше, чем требуется человеку, и челюстей больше, и нос хрящеватый, и вообще было в ней что-то от рыбы – черной, тусклой *глубоководной рыбы*, ползущей по дну в непроглядном мраке и не смеющей подняться выше,

в светлые солнечные слои, где резвятся лазурные и алые породы жителей от-мелей» (Т. Толстая), «Массировала лицо, шею, плечи, костлявые ключицы какой-то дохлой *камбале*» (Д. Рубина), «То, что прежде было горячим содержанием жизни – прозрачные, как аквариумные *рыбки-гуппи*, роженицы с их патологиями и осложнениями, преподавание, в котором Павел Алексеевич умел передавать своим ученикам помимо технических приемов ту маленькую неназываемую словами штучку, которая составляет сердцевину любой профессии, – становилось все более автоматическим и теряло ценность если не для окружающих, то для самого Павла Алексеевича» (Л. Улицкая).

Помимо слова *жук*, появляются *скарабей*, *жук-водомер*, *жук-вредитель*: «Пока мама возилась со мной в роддоме, эти *скарабеи* подгрести всё, что могли [Зоя о соседях]» (Е. Водолазкин), «Отпихнулся чем водится – и пошел *жуком-водомером* безвредным рывками ширь мерить. Точно как чибисы уключины плачут, ничуть не смазаны» (С. Соколов), «Нередко он заставлял жену прилепившейся к зеленой стенке, разделяющей квартиры, – толстенькую и невинную, будто *жук-вредитель* на листе, – ужасно боялся, что она просто изгрызет преграду в кружево и вот-вот прорежет первую округлую дыру» (О. Славникова).

В семантическом классе образов сравнения «Собаки» среди названий пород собак (которых и в более ранний период было достаточно много: *борзая*, *легавая*, *такса*, *бульдог*, *овчарка*, *фокстерьер*, *сенбернар*, *дог*) появляются новые: *бассет*, *боксер*, *итальянская борзая*: «Наш сосед по столику, пожилой мужчина в вязаной шапочке-петушке, похожий на *бассета*, запивал пирожок с вишней водой из литровой банки» <...> Попрощавшись с «*бассетом*», мы вышли на улицу и заговорили о людях в эпоху перемен (А. Волос), «Невысокий, широкогрудый, с крупными родинками на щеках, он [профессор Гансовский] был похож на старого *боксера* – и в собачьем смысле тоже» (Л. Улицкая), «Антон Иванович исхудал так, что стал похож на *итальянскую борзую*» (Л. Улицкая).

Традиционное уподобление человека лошади дает начало новому образу *человек – кулан* (кулан – животное семейства лошадиных): «Королев вытвердил святого Антония: «Душевные силы тогда бывают крепки, когда ослабевают телесные удовольствия» – и для входа в бродяжничество начал тренироваться: голодать и бегать. По утрам носился по Пресне, как *кулан*: по Заморенова к церкви, перелезал через забор, пересекал захламленный двор астрономического музея, выбирался на холмы Рочдельской улицы, Трехгорку – и рушился с нее на набережную, река излучиной увлекала его бег» (А. Иличевский).

Происходит также такое явление, как расширение круга предметов сравнения у конкретного образа сравнения. Так, среди типичных денотатов, сравниваемых с насекомыми, – летательные аппараты, изделия из бумаги, ткани – появляется *нож – насекомое*: «кухонный нож, который он сжимал в руке, большой нож, которым баба Сватья скребла полы и столы, нож с зазубренным лезвием, огромный и ржавый, похожий на какое-то омерзительное *насекомое* (А. Волос).

Образ *тираньи* характеризует обычно человека или группу людей, а также негативные внутренние состояния. Появляется новый образ *банки (медицинские)*

– *тираньи*: «Кашель так глубок, что одного чтения для поправки недостаточно. Врач порекомендовал ставить банки. <...> Новый прилив страха – перед снятием банок. Мальчику кажется, что в спину они впились намертво. Напоминают маленьких злых рыб. Может быть, *тираний* (Е. Водолазкин).

Слова *хищник*, *гепард* обычно характеризуют людей. Самолеты традиционно сравниваются с птицами и насекомыми, редко – рыбами, из зверей – с китом и кашалотом, бронтозавром и ящером. Появляется новый образ *самолет – хищник*: «Самолет вырывается на взлетную полосу, приостанавливается, но мотор тут же резко увеличивает обороты. Рыча и сотрясаясь от нетерпения, машина в одно мгновение набирает скорость. Так ведет себя на охоте *хищник* – дрожит, поводит хвостом. Не сразу вспоминаю, кто именно. Кто-то из семейства кошачьих – какой-нибудь, допустим, *гепард*. Хороший образ. Охота на пространство, отделяющее Париж от Петербурга» (Е. Водолазкин).

Для современной литературы характерно такое явление, как нахождение нового основания сравнения у традиционного, устойчивого образного соответствия. Например, у образной параллели «человек – гиена» в русском языковом сознании и в художественной литературе такие основания сравнения, как *злая, коварная, подлая, крадется за кем-л., сбегаться, как гиены на падаль, хохот гиены*. У Ю. Буйды появляется сравнение, высвечивающее новую грань этого образа: «Когда-то Лу досталась мне “за так”, “сама упала”, как все мои женщины – как Роза Ильдаровна, Лариска или Жанна, но всех их я без труда оставил в прошлом, как *гиена*, которая вечером не помнит, какой падалью утоляла голод утром».

Слово *червь*, согласно словарю [БРИЛЕВА И ДР. 2004], используется «для характеристики жалкого, ничтожного и/или интеллектуально и духовно убогого человека». Е. Водолазкин наделяет персонажа, уподобляемого червю, несколькими свойствами: «Можно было бы сказать, что Зарецкий одинок, если бы это слово передавало происходящее с нашим соседом. Одинок ли в стволе древесный *червь*? А ведь было в нем что-то от *червя*. Гибкость, мягкость. Способность принимать температуру окружающей среды».

Образ *слизняк*, который обычно характеризует человека как жалкого, ничтожного, приобретает у А. Иличевского совсем другие черты: «Так продолжалось почти три года, пока не пришел к власти новый комендант, решивший обследовать Молочный дом, чтоб узнали, какой он тихо-грозный, какие у него роговые очки, вкрадчивый шаг, текучий облик. <...> Его страдальческая привычка, с которой он *вытеснял действительность из своей окрестности*, подобно *слизняку*, закатывающему стекловидным следом живую шелуху, – напоминала движенье бурлаков в связке».

Если традиционно у образной параллели «боль – змея» такие основания сравнения, как *обвиться, подползать, жалить*, то у Д. Рубиной та же образная параллель имеет и другое основание сравнения: «и боль *шелестела* в горле и груди, как *змея* в высохшей траве, и жалила, жалила, жалила...».

Иногда новое основание сравнения меняет оценку образа на противоположную. Традиционно образ *свинья* характеризует человека негативно, как нечистоплотного, грубого, невежественного, пьяного, толстого. О. Славникова

модифицирует этот образ основаниями сравнения *румянцем* и *белым пушком* и подчеркивая смену знака оценки: «Как ему было не прибиться к почтальонке Гале, *румянцем* и *белым пушком* напоминавшей племянницу *свинью* – но напоминавшей *по-хорошему*, в милом человеческом облике».

Еще один способ модификации, конкретизации, индивидуализации образа, придания ему нового смысла – это приписывание ему определения. Среди этих определений есть более или менее традиционные, как, например, *подопытная крыса*, *хищная птица*, *перелетная птица*, *подбитая птица*, *бешеная собака*, *бродячая собака*, *резаная свинья*, *каторжная лошадь*, *цирковая лошадь*, а есть (тоже более или менее) индивидуальные: *защекотанные зайцы*: «Мы слетели [с горки], как пригоршня *защекотанных зайцев*, кувыркаясь и гогоча» (Ш. Идиатулин), *нашкодившая дворняга*: «Подобно *нашкодившей дворняге*, изгнанной, но вновь вернувшейся к родной калитке, Вадя осел в сквере перед Новодевичьим монастырем» (А. Иличевский), *деликатная кошечка в чужом дворе*: «Мама, незабвенная Роза, была маленькая очаровательная блондинка, скорее русая, скорее пепельная, с пепельно же серыми глазами. Для того чтобы разглядеть в ней эту однотонную тихую красоту, следовало некоторое время понаблюдать, как она двигается: осторожно, опасливо, как *деликатная кошечка в чужом дворе*» (Д. Рубина), *обезумевшая курица*: «Я рассказывала Мэри, как однажды с парашютом попала в БП – беспорядочное падение. Он слушал, то и дело в ужасе хватаясь за щеку: такой трепетный, просто смешно! <...> – О, боже, боже... – повторяет Мэри, зажимая ладонью рот. Глаза вытаращены, клюв торчит – *обезумевшая курица*. – Ты такая смелая, я восхищаюсь тобой! (Д. Рубина), *лягушка, распятая на лабораторном столе*: «Галина Петровна сидела за столом, не поднимая глаз, и только иногда легко, едва заметно улыбалась, и никто не подозревал, что улыбка эта – результат совершенно механического, почти произвольного напряжения мышц, как у *лягушки, распятой на лабораторном столе* и раз за разом пропускающей через себя электрические разряды» (М. Степнова).

Определения при опорном слове тропа могут отсылать к историческим событиям, мифам и сказкам: «– Мы были *помпейскими кошками*, – сказал он. – Вы знаете, что при раскопках Помпеи археологи не нашли ни одного кошачьего трупа? Собак нашли, а кошек – нет. Кошки почувствовали беду и сбежали незадолго до извержения Везувия...» (Ю. Буйда), «Хозяин кафе – лысый толстяк с мешками под глазами и грустным взглядом <...> выпиливал, шкурил, клеил, лачил, шпатлевал плоскости и фюзеляж планера, стоявшего неподалеку в ангаре, полном сена и заржавленных огнетушителей. Закончив латку, он гладил рукой крыло, вел ладонью, прикладывался щекою, выслеживая и наслаждаясь гладью, профилем, яростно застывшей, рыбьей тягой лонжеронов. Толстяк был похож на *крота, выхаживавшего мертвую ласточку*» (А. Иличевский), «Записи свои Христофор обычно оставлял там, где они были сделаны, – на лавке, на печи, на поленище. <...> Следя за перемещениями Христофора, Арсений уже знал, где искать его записи. Порой на месте обнаруженной грамоты в тот же день

находилась другая, а то и не одна. Временами дед казался Арсению *курицей, несущей золотые яйца*, их надо было только успевать собирать» (Е. Водолазкин).

В некоторых случаях в тексте происходит отсылка тропа к некоторой ранее описанной реальной ситуации, без которой понимание его смысла неполно или невозможно. Например, в романе Е. Водолазкина «Брисбен» описывается квартира родителей Кати, по профессии орнитологов, в которую приезжают Катя с Глебом. «Птичьи» метафоры, характеризующие Катю, прочитываются на фоне этой ситуации: «В отличие от Кати, Глеб в квартире орнитологов никогда не жил, и сидящие на полках птицы его удивляли. Глеб не подбрасывал их и не расковыривал, но и он не мог отказать себе в удовольствии погладить нежный пух под их крыльями. Впрочем, наибольшим удивлением в этой квартире была для него другая *птица* – Катя. Возможность дотронуться до ястреба или горного орла не рождала в Глебе и малой доли того счастья, которое он испытывал, касаясь нежной Катиной шеи. Она была *журавлем в небе*, который неожиданно спустился к Глебу в руки и не обнаруживал ни малейшего желания улетать. Просыпаясь по утрам, Глеб испытывал мгновенный страх, что счастье лишь приснилось, а его *жар-птица* улетела». Кроме того, в этом контексте своеобразно использован фразеологизм «Лучше синица в руках, чем журавль в небе», благодаря которому метафора приобретает дополнительный смысл.

В некоторых случаях можно проследить индивидуально-авторские предпочтения в выборе опорных слов тропов. Так, в романе М. Степновой «Женщины Лазаря» наблюдается повышенная концентрация слов семантического класса «собаки». Чаще всего употребляется слово *щенок*, оно характеризует как персонажей и их чувства, так и окружающую действительность – улицу, посуду, одежду. Кроме того, в тропах повторяются слова *дворняга, собака, шавка, волкодав, сенбернар, пастушья псина, болонка, выставочный пудель, кобель* – как в речи повествователя, так и персонажей. Создаются образы со сложной семантикой, характеризующие сложную судьбу одной из главных героинь, – *изувеченная собака Павлова; собака, раздавленная колесом*.

В романе Ш. Идиатуллина, в котором повествование ведется от лица подростка, много тропов с опорными словами, обозначающими детенышей животных: часто повторяются *щенок, щень*; кроме того, встречаются обозначения *котенок, страусенок*, слово с уменьшительным суффиксом *кабанчик*. Главный герой оценивает с помощью этих слов себя и других, другие (взрослые) персонажи – милиционеры, отец, учительница, – тоже употребляют их. Кроме того, в этом романе много слов молодежного сленга.

В романе О. Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» особенно много тропов класса «Насекомые». С помощью этих образов характеризуются разные персонажи: свекровь Маргариты – *комарик, вьется по-комариному вдоль стены, мошка*, Маргарита – *насекомое*, Катерина *по-мушиному счесывает с ног сандалии*, Иван *порхает мотыльком по стране, ползет, как муха*, Комарихе казалось, что она, как *насекомое сидит на потолке, что ее можно перервать, как желтопузую муху; она ползла, как насекомое по ветке; комариками ныли старухи в церкви, пешеходы – жуки*, Иван *заставал жену*

прилепившейся к стенке, будто жук-вредитель, новорожденный ребенок – червячок, сосед – бабочка-ночница, образы насекомых характеризуют и разные другие реалии: пальцы матери – ножки раздавленного насекомого, тело матери – муха, извлеченная из компота, глаза Комарихи – мотыльки, тени – крылья гигантского насекомого, духи жглись, как укусы пауков, брошка похожа на дохлого паука, камешки из-под колес автобуса прыгают, как блохи, солнечный блик трепещет, как бабочка, листья – бабочки, тапки слетели с ног, как мотыльки, воланы на платье напоминают тропических паразитов.

Кроме того, в этом романе, изображающем тяжесть, грязь и безысходность повседневной жизни, используются зооморфные тропы, которые не встретились в нашем материале больше ни у кого из авторов: обозначающие в прямом значении вынутые внутренности и экскременты животных: «пыль, кислая на вкус и бурая на свет, будучи изредка поливаема из медленных усатых машин, давала урчащую пену, которая долго лежала на солнце, будто *рыбы потроха*, и разлезалась большими дырками под ногами прохожих», «Спустя какое-то время Маргарита подняла Катерину Ивановну из-за разоренного стола, где в стакане остался плавать перепутанный, как *птичьи потрошки*, букет завялых одуванчиков», «Они по очереди подходили пошептать с героиней собачьей свадьбы, а та, вместо того чтобы сгорать от стыда, бессовестно хихикала, поджимая голые колени, большие, как *коровьи лепехи*, и казалась страшно довольной».

В заключение отметим, что зооморфные тропы могут играть в художественном тексте концептуализирующую роль. Один из основных мотивов в романе Улицкой «Зеленый шатер» – мотив взросления человека, становления личности, описывается в терминах превращения насекомого из личинки в бабочку, при этом употребляется соответствующий научный энтомологический термин *метаморфоз*, а также другие термины: *личинка*, *куколка* – стадии развития насекомого, *имаго* – взрослое существо, *неотения* – достижение способности к размножению до наступления взрослости. Все эти термины используются во внутренней речи и в реальной речи Виктора Юльевича – учителя Михи, Ильи и Сани. Надо отметить, что в этот ряд обозначений включается и традиционная образная параллель *душа – бабочка*: «Несмышленные малыши, человеческие *личинки*, они потребляют всякую пищу, какую ни кинь, сосут, жуют, глотают все подряд впечатления, а потом окукливаются, и внутри *куколки* все складывается в нужном порядке, выстраивается необходимым образом – рефлексy отработаны, навыки воспитаны, первичные представления о мире усвоены. Но сколько *куколок* погибает, не достигнув последней своей фазы, так и не треснув по шву, не выпустив из себя *бабочку*. Анима, анима, душенька... Цветная, летающая, короткоживущая – и прекрасная. А какое множество так и остается *личинками* и живет до самой смерти, не догадываясь, что взрослость так и не пришла», «Но почему-то *метаморфоз* этот происходил далеко не со всеми, скорее с меньшинством его воспитанников. В чем суть этого процесса? Пробуждение нравственного чувства? Да, конечно. Но почему-то с одними это происходит, а с другими нет. Есть какой-то загадочный модуль перехода: обряд, ритуал? А может, вид *Homo sapiens*, человек

разумный, тоже переживает явление, сходное с *неотенией*, наблюдающейся у червей, насекомых, у земноводных, – когда способность к половому размножению появляется не у взрослых особей, а уже *на личиночной стадии*, и тогда не доросшие до взрослого состояния существа плодят себе подобных *личинок*, так никогда и не превратясь во взрослых?».

В конце романа, в главе, в название которой вынесен энтомологический термин «*Имаго*», Миха осознает происшедшее с ним превращение, появление крыльев, осознает свою взрослость, но это приводит к трагическому концу: улетает крылатое существо (душа), оставляя хитиновую скорлупку (тело): «Распоряжаться собой – это и значит быть взрослым. А эгоизм – качество подростковое. Нет, нет, не хочу больше быть подростком... <...> Снял ботинки, чтобы не оставлять грязных отпечатков подошв, вспрыгнул на подоконник, едва на него опершись. Пробормотал: «*Имаго, имаго!*» и легко спрыгнул вниз. <...> Улетает крылатое существо, оставляя на земле хитиновую скорлупку, пустой гроб летящего, и новый воздух наполняет его новые легкие, и новая музыка звучит в его новом, совершенном органе слуха».

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить основной круг зоонимических образов сравнения, распространенных в современной русской прозе, расклассифицировать их по тематическим группам класса «Животные», выявить наиболее частотные опорные слова метафор и сравнений, а также очертить круг предметов сравнения, характеризующихся этими образами, распределив их по сравнительной частоте употребления в текстах. Сопоставление с традиционными образами сравнения рассматриваемого класса, представленными в словаре метафор и сравнений предшествующего периода русской литературы, и с образными употреблениями зоонимов в русской языковой картине мира по материалам лингвокультурологических словарей, позволило определить основные направления эволюции зооморфных тропов в современной русской прозе. Рассмотрен ряд аспектов функционирования зооморфных тропов в контексте художественного произведения – индивидуально-авторские предпочтения в выборе их отдельных групп, концептуализирующая роль в тексте. Результаты исследования дают возможность составить представление об одном достаточно значительном фрагменте образной картины мира современной прозы.

Литература

- БРИЛЕВА И ДР. 2004: Брилева, И.С., Вольская, Н.П., Гудков, Д.Б., Захаренко, И.В., Красных В. В. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Выпуск 1. Москва: Гнозис.
- ГУДКОВ 2020: Гудков, Д.Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь. Москва: ЛЕНАНД.
- КОЖЕВНИКОВА 1995: Кожевникова, Н.А. Эволюция тропов // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. Москва: Наука.
- КОЖЕВНИКОВА – ПЕТРОВА 2000: Кожевникова, Н.А., Петрова, З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Выпуск 1: «Птицы». Москва: Языки русской культуры.
- КОЖЕВНИКОВА – ПЕТРОВА 2010: Кожевникова, Н.А., Петрова, З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Выпуск 2: «Звери, насекомые, рыбы, змеи». Москва: Языки славянских культур.
- ШВЕДОВА 1998: Шведова, Н.Ю. (ред.). Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Москва: Азбуковник.

Зоя ПЕТРОВА
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия
zoyp@mail.ru

